

АРХИВЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Б.М. ПУДАЛОВ,
руководитель комитета по делам архивов
Нижегородской области

Сотрудничество архивистов и ученых-историков в провинции традиционно основывалось на взаимном интересе. Для архивистов важнейшее значение имеют научное руководство историков в использовании документального наследия (в подготовке сборников документов, конференций и выставок), а также обучение работников архивной отрасли на базе местных вузов. Для ученых, как правило, наибольший интерес представляет помощь архивистов в выявлении документальных источников по актуальной тематике. В зависимости от реализации этих интересов в Нижегородском регионе следует отдельно рассмотреть сотрудничество наших двух сфер в досоветский, советский и постсоветский периоды.

1. Для досоветского периода решающим фактором стало отсутствие в Нижнем Новгороде университета. Талантливые юноши (среди них – К.Н. Бестужев-Рюмин, будущий академик) поступали в столичные университеты, навсегда покидая родной город, и в дальнейшем вспоминали гимназический курс истории как кошмарный сон. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК), созданная в 1887 г. и кровно заинтересованная в публикации накопленных коллекций и профессиональной подготовке специалистов, сумела наладить активное взаимодействие только в начале XX в. Решающую роль здесь сыграл А.Я. Садовский (1850–1922), возглавлявший НГУАК в 1909 г. Уже в 1911 г. в Нижнем Новгороде открылось отделение Московского Археологического института (кстати, вообще едва ли не первый вуз в Нижнем Новгороде), успешно обучавшее всех желающих до 1918 г. Выпускники отделения в целом обеспечивали основные направления архивной работы вплоть до середины 1920-х гг. Наряду с этим, взаимодействие с С.Ф. Платоновым и его учениками позволило в это же время реализовать ряд амбициозных издательских проектов, важнейшим из которых стал двухтомник 1913 г. по истории Нижегородского земского ополчения 1612 г. Сборник

---

* Тезисы публикуются в порядке обсуждения. – *Прим. ред.*

не потерял научного значения и поныне (переиздан в 2012 г.), став, в сочетании с монографией П.Г. Любомирова, образцом успешного научного сотрудничества архивистов и ученых.

К сожалению, Первая мировая война 1914-1918 гг. не позволила опубликовать запланированный комплекс описаний Нижегородского края допетровского времени, а последовавшие затем революция 1917 г. и Гражданская война 1918-1922 гг. прервали взаимодействие архивистов и ученых на три десятка лет.

2. В советский период возрождение университетского преподавания истории в г. Горьком было обусловлено новыми идеологическими тенденциями, усилившимися на фоне Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. В 1946 г. открылся историко-филологический факультет в Горьковском государственном университете, ставший на четыре десятилетия основной «кузницей кадров» для архивов области. Первый декан факультета, выдающийся ученый-медиевист чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельский постарался собрать лучшие на тот момент научные силы, активно приглашал специалистов из Москвы и Ленинграда. Проявляя на разных этапах своей научной деятельности постоянный и глубокий интерес к аграрной истории, в первую очередь, Англии XVII в., но также и России, С.И. Архангельский предложил издать цикл документальных сборников по истории Нижнего Новгорода, создав основу для сотрудничества с архивистами. К сожалению, последним явно не хватало в тот период научной подготовки, поэтому свет увидел только один сборник из этой серии – «Нижний Новгород в XVII веке» (Горький, 1961), надолго оставшийся «одиноким островком» подлинного академизма среди архивных изданий. Успех сборнику обеспечил его составитель, архивист Н.И. Привалова, ранее закончившая Московский университет и посещавшая семинар академика М.М. Богословского. Обширное предисловие С.И. Архангельского, с историографическим обзором, усилило научное значение данной книги.

К сожалению, после смерти С.И. Архангельского (1958 г.) сотрудничество ученых и архивистов, начавшееся столь многообещающе, стало постепенно угасать. Объясняется это во многом человеческим фактором. Преемник С.И. Архангельского проф. Н.П. Соколов, специалист по средневековой Европе, практически не занимался историей России. К тому же, став в 1960-1970-е гг. неформальным лидером горьковских историков, Н.П. Соколов сумел в значительной степени привить им свое мировоззрение, сочетавшее традиционную

враждебность старого кадета к коммунистической идее и Советской власти с «имперскостью», «почвенничеством» и идейным антисемитизмом. Взгляды Н.П. Соколова после его смерти (1979 г.) получили дальнейшее развитие благодаря деятельности декана Е.В. Кузнецова, также медиевиста, не имевшего сколько-нибудь значительных трудов по российской истории. В результате к началу 1980-х гг. историческая наука в Горьковском государственном университете все больше склонялась к политологии определенного толка, так что предпосылки для сотрудничества в научном использовании документального наследия постепенно исчезли.

Сложнее обстояло дело с преподаванием. Базовый курс источниковедения был слишком «теоретическим», да и просто поверхностным: сказывалось равнодушие преподавателей-историков к архивам, а политологов-американистов – к источниковедению российской истории вообще. Курс архивоведения традиционно преподавали ветераны-архивисты. Они же поначалу вели и специальные историко-филологические (так называемые «вспомогательные исторические») дисциплины, но в 1970-е гг. некоторые из этих курсов были переданы филологам (факультет был единым, историко-филологическим). При этом любопытно, что в силу каких-то непонятных причин у филологов специальные дисциплины вплоть до конца советского периода преподавались намного основательнее, чем у историков. Так, последним русскую палеографию преподавали один семестр, а филологам – два, вместив в этот курс элементы неографии, а также основы исторической хронологии, метрологии, филиграноведения, генеалогии и даже сведения о денежном счете в допетровской Руси. Филологам, в отличие от историков, преподавали текстологию и библиографию (по сути – архивную эвристику), а также археографию, причем не только эдиционную (это еще хоть как-то можно объяснить), но и камеральную. Вдобавок преподаватель МГУ И.В. Поздеева (ныне д.и.н. и профессор) прочитала в 1979-1980 гг. спецкурс по методике полевой археографии, и полученные студентами знания тогда же были закреплены в археографических экспедициях. Надо ли удивляться, что в 1970-1980-х гг. на работу в архивы, а также библиотеки и музеи Горьковской области пришло немало филологов? (Для автора этих строк данные спецкурсы стали первым шагом к научным исследованиям древнерусских рукописей, а в конечном счете – к профессии архивиста).

В этот же период ученые-филологи сыграли свою роль в научном использовании архивных документов. Произошло

это благодаря литературному краеведению, где наиболее значительными всегда были три темы: М. Горький в Нижнем Новгороде (родном для него городе), Болдинская осень А.С. Пушкина, Нижегородское десятилетие В.Г. Короленко. Поэтому неслучайно вышли в свет монографии профессоров, докторов филологических наук Л.М. Фарбера «А.М. Горький в Нижнем Новгороде» (1968) и Н.М. Фортунатова «В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде» (1986), практически целиком основанные на архивных документах, выявленных благодаря тесному сотрудничеству с работниками Государственного архива Горьковской области (ГАГО, ныне Центральный архив Нижегородской области). В этом же жанре написана и монография выдающегося архивиста Н.И. Куприяновой «К сему Александр Пушкин», выдержавшая два издания (1982, 1988) и ставшая образцом успешной архивной эвристики. К сожалению, в последующий период литературное краеведение не поднималось больше до таких высот: «предметы внимания» были заметно меньше (типичные примеры – Борис Садовской и П.Д. Боборыкин по прозвищу «Пьер Бобо»), а «исполнители» – явно слабее...

В силу идеологических причин и ситуации на историко-филологическом факультете Горьковского университета архивные сборники документов 1970-1980-х гг. готовились и выпускались преимущественно в сотрудничестве и с предисловиями историков партии. Археографический уровень таких изданий (подготовка текста, справочный аппарат) достаточно высок, но источниковедческая ценность невелика из-за идейных установок (типичные примеры – сборники по истории революционного движения, по истории коллективизации и «культурной революции» в крае).

3. Проблемы, отчетливо обозначившиеся в советский период, усилились после 1991 г. К настоящему времени можно обоснованно говорить о постепенной утрате профессионализма среди специалистов по отечественной истории в Нижегородской области.

Прежде всего, серьезный кризис переживает преподавание дисциплин, необходимых для архивной отрасли. Историко-филологического факультета в Нижегородском университете больше не существует: его место заняли Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ), где готовят преимущественно политологов, с легким уклоном в историческую публицистику, и Институт филологии и журналистики (ИФИЖ), где готовят преимущественно пиар-менеджеров, с уклоном в «легкость мыслей необыкновенную». Препода-

ватели, владеющие навыками палеографии, – это случайно уцелевшие кадры (два или три ветерана на восьмом десятке); археографию нынешние студенты готовы воспринимать как личное и нецензурное оскорбление. Бывший пединститут, переименованный на страх врагам в «Мининский университет» (?), всегда был и остается вариантом учительской семинарии; о профессиональной подготовке или переподготовке архивистов на его базе всерьез говорить не приходится. Обучение по специальности «документоведение и архивоведение» ведется на базе технического университета, но, во-первых, здесь она непрофильная и в любой момент может быть закрыта, во-вторых, навыков историко-архивоведения, столь востребованных сегодня, эта специальность не дает. Попросту говоря, сотрудникам государственных архивов учиться в Нижегородской области негде.

Не лучше обстоит дело и с научным использованием документального наследия. Расширение возможностей публикаций за счет доступа к фондам бывшего партархива (ныне Государственный общественно-политический архив Нижегородской области) вызвало кратковременное оживление среди специалистов по истории советского периода. В свет вышли два цикла историко-документальных сборников: «Забвению на подлежит» (в 3 тт., 1993–1995) и «Общество и власть» (в 6 тт., 2002–2010). Архивисты обеспечили несомненные достоинства этих изданий: выявление ранее не публиковавшихся (в том числе рассекреченных) документов, представляющих научный интерес, качественное археографическое оформление (передача текста, справочный аппарат, указатели). Но то, что зависело от ученых-историков – общее предисловие, вводные статьи к разделам, научные комментарии, словом, весь концептуальный компонент, – выглядит слабовато. Трактовка событий противоречит тексту документов, вводные статьи нередко противоречат друг другу, о глубоком источниковедческом анализе говорить вообще не приходится. Впрочем, к началу 2010-х гг. и это все закончилось: старое поколение историков партии ушло, а последующие поколения преподавателей ИМОМИ в большинстве своем равнодушны к документальному изучению истории России. И, поскольку эта публика в архивах практически никогда не бывает, то архивисты ныне сотрудничают не с ними, а с историками, преподающими за пределами ННГУ (их, увы, немного). Подтверждением этих горьких слов стала эпопея с подготовкой научной истории Нижегородского региона. Фундаментальный двухтомник

удалось издать только в 2021 г. (к 800-летию Нижнего Новгорода), но в авторском коллективе почти не было сотрудников бывшего исторического факультета университета...

В итоге с 2010-х гг. все сборники документов и архивные выставки нижегородские архивисты готовят своими силами. Готовят, надо сказать, неплохо: сборники документов регулярно занимают призовые места на профессиональных конкурсах и удостоиваются престижных премий. Удалось отчасти продолжить задуманную еще С.И. Архангельским серию изданий, под рубрикой «Нижегородский край в веках». Но качественное профессиональное обучение архивистов в Нижнем Новгороде сегодня, увы, невозможно: выйти за пределы «кустарщины и кружковщины» пока не удастся. Серьезной помощи от местной исторической науки едва ли можно ждать: немногочисленные исключения «погоды не делают». По сути, сейчас архивисты успешно взаимодействуют с учеными только... в комплектовании фондов личного происхождения профессоров и докторов исторических наук. Состав этих фондов, увы, подтверждает кризисное состояние исторической научной мысли в Нижегородской области.